

ТЕКСТ 1

Вениамин Каверин «Загадка»

Вообще, по-моему, работа учителя находится под слишком строгим контролем и волей-неволей отнимает у администрации слишком много бумаги. Подумать только, кроме инспекторской проверки, работает еще проверка комиссии при горно. И всем этим занимаются деловые люди, которые уверены, что без них школа не может работать нормально. Но она работает ненормально, и все годы, что я работаю, в газетах спорят о том, как надо учить детей. Учителям не доверяют. Это недоверие ведет к тому, что я, например, в незнакомом обществе, где-нибудь на пляже, стесняюсь признаться, что я учительница. Бывают профессии престижные, а преподавание – профессия, которая, увы, не вызывает уважения. Прежде было не так. В одной старой повести пристав отдает честь учителю и относится к нему, как к начальству. Может быть, это потому, что учителя имели звания и носили форму? Но дело не только в недоверии. Немало и других причин: сравнительно низкая зарплата, неизмеримо большая (в сравнении со многими другими профессиями) занятость, потеря авторитета перед школьниками, которая прекрасно известна родителям. Конечно, может быть, я ошибаюсь. Но думается, что нет.

ТЕКСТ 2

Н. Г. Никонов «Мой рабочий одиннадцатый»

– Нет рецептов, друг мой, – сказал Яков Никифорович. – Нету. Как в тибетской медицине, все зависит от состояния больного: лекарство, доза, способ применения. И я не оракул, не Пифия и не Сократ. Из опыта подскажу, как бы я на твоём месте начал, а дальше – сам доедешь, а может, откажешься, найдешь свое. Сколько, наверное, есть дельных учителей, столько есть и методов... Вот я бы и начал с себя... Как? С себя – значит с муштры, самодисциплины. Без нее, Володя, не бывает подлинного учителя, и чем дурней, разболтанней достался класс, выше должна быть моя самодисциплина. Должен я стать если не героем, то уж таким образом, что рот раскрывай, сплетничай, удивляйся, злословь. Да, люди всегда так: позлословят сначала, потом подражать начнут, потом – уважать. Авторитет не сразу растет. Его завоевывают. Что такое авторитет? Прежде всего, по-моему, хозяин слову. Сказал — сделал, обещал – выполнил, назначил срок – пришел минута в минуту. Иранская пословица говорит: «Если у тебя нет врагов, не наживай их невыполненными обещаниями». Видишь, и я вроде бы за поучительство принялся. Нет, не поучаю. Размышляю я... А самое важное – не читать мораль, в позитуру не становиться. Таких не любят. Будь непогрешим, но нигде не подчеркивай своей непогрешимости. И невозможна она. А если уж тебе мораль надо дать, преподнеси ее в виде афоризма. Я так всегда делал. Вот, к примеру, скажу, как бы между прочим: «Знаете ли вы, что такое поступок?» Смотрят: чего это он? «Ну, скажем, кто-то у кого-то рубль взял и не отдал... А поступок – ведь это много... Ведь это очень много! Говорят так: «Посеешь поступок – пожнешь привычку. Посеешь привычку – пожнешь характер. Посеешь характер – пожнешь судьбу...»... Бывало, я... Смех вспомнить... Начал работу в детдоме при колонии. Ребята буйные, лодыри, хулиганы, запущенные. Всякие. И вот... Орал. Кулаком стучал. Из класса под микитки вытаскивал... Не мог понять, дурень, – слабость свою демонстрирую, слабость, забывал, что учитель. Да и не учитель я тогда был, так – преподаватель. Годы ушли, пока понял себя, потом их... Ты меня провидцем назвал, а я твою судьбу и угадал и предсказал случайно. Интуиция... Не больше. Она учителю – верховое чутье. Вижу: сидит парнишка, в глазах искорки. Учится не худо. Объяснять начнет, старается, чтоб я понял, и самолюбивый – у-у! Вот я и предсказал тебе. И ты не бойся предсказывать, ободрить словом... Не попадешь? А вдруг попадешь? Теперь о классе. Пойдем от сказанного... Сперва бы я попробовал у них родить привычку ходить в школу. А чтобы она взошла, поступок требуется. Пришел Иванов раз — похвали; заметь, обязательно заметь и похвали. Пришел два – опять похвали и в третий раз не скупись на доброе слово. Иванову нелегко, но он-то поймет, что ты о нем постоянно думаешь, заботишься. А похвала человеку – как растению поливка. Без этого нельзя. И прорастет потихоньку привычка. А еще, друг мой Володя, на уроки приходи не к звонку, а пораньше. За час, скажем... Я не ошибся. Да, за час... И сделай этот час нулевым уроком, вроде консультации для всех и по всем предметам... Так и объяви... Приходите учить уроки, беседовать, вопросы задавать. Конечно, эрудиция твоя должна быть на высоте. Без эрудиции какой ты учитель?!

Нет эрудиции – бросай все. У нас вон одна учительница не знала, что такое антибиотики, так ведь над ней потешались, как над дурой... Говори с ними обо всем: о любви, о нуждах, о пустяках, о людях, задачи с ними решай, диктанты пиши, истории поучительные рассказывай, а на вечерах танцуй лучше всех и вальс и всякий там шейк. Одевайся красиво, не будь синим чулком. Не стилижь, но и в монахи не лезь. И потянутся к тебе, поймут, что ты правдив и знающ, начнет расти твой авторитет, не авторитет – авторитетище. И ты увидишь самое главное – тебе начнут подражать, начнут говорить твоим голосом. Вот это, Володя, самое большое счастье учителя – увидеть в них свое отражение. Хороший учитель, Володя, должен быть еще и хорошим актером. Не в дурном смысле... Нет... Тут ничего плохого. Ведь они прежде всего зрители, ты перед ними стоишь, как на сцене. Так играй, чтоб тебе верили, не лги и не фальшивь. Вот и в театре, когда видим талантливую игру, разве не плачем? Не переживаем? А ведь великолепно известно каждому, что Отелло-актер не задушил Дездемону и что после спектакля они, может быть, пойдут куда-нибудь ужинать...

ТЕКСТ 3

Фазиль Искандер «Тринадцатый подвиг Геракла»

Но вот Харламбий Диогенович садится на место. Класс мгновенно смолкает. Начинается урок.

Большоголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках. Кроме журнала, у него был блокнотик, куда он что-то вписывал после опроса. Я не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал, или уговаривал заниматься, или грозил вызвать родителей в школу. Все эти штучки были ему ни к чему.

Во время контрольных работ он и не думал бегать между рядами, заглядывать в парты или там бдитительно вскидывать голову при всяком шорохе, как это делали другие. Нет, он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал четки с бусами, желтыми, как кошачьи глаза.

Списывать у него было почти бесполезно, потому что он сразу узнавал списанную работу и начинал высмеивать ее. Так что списывали мы только в самом крайнем случае, если уж никакого выхода не было.

Бывало, во время контрольной работы оторвется от своих четок или книги и говорит:

– Сахаров, пересядьте, пожалуйста, к Авдеенко.

Сахаров встает и смотрит на Харлампия Диогеновича вопросительно. Он не понимает, зачем ему, отличнику, пересаживаться к Авдеенко, который плохо учится.

– Пожалейте Авдеенко, он может сломать шею.

Авдеенко тупо смотрит на Харлампия Диогеновича, как бы не понимая, а может быть, и в самом деле не понимая, почему он может сломать шею.

– Авдеенко думает, что он лебедь, – поясняет Харламбий Диогенович. – Черный лебедь, – добавляет он через мгновение, намекая на загорелое, угрюмое лицо Авдеенко. – Сахаров, можете продолжать, – говорит Харламбий Диогенович.

Сахаров садится.

– И вы тоже, – обращается он к Авдеенко, но что-то в голосе его едва заметно сдвинулось. В него влилась точно дозированная порция насмешки. – ...Если, конечно, не сломаете шею... черный лебедь! – твердо заключает он, как бы выражая мужественную надежду, что Александр Авдеенко найдет в себе силы работать самостоятельно...

Главное оружие Харлампия Диогеновича – это делать человека смешным. Ученик, отступающий от школьных правил, – не лентяй, не лоботряс, не хулиган, а просто смешной человек. Вернее, не просто смешной, на это, пожалуй, многие согласились бы, но какой-то обидно смешной. Смешной, не понимающий, что он смешной, или догадывающийся об этом последним.

И когда учитель выставляет тебя смешным, сразу же распадается круговая порука учеников, и весь класс над тобой смеется. Все смеются против одного. Если над тобой смеется один человек, ты можешь еще как-нибудь с этим справиться. Но невозможно пересмеять весь класс. И если уж ты оказался смешным, хотелось во что бы то ни стало доказать, что ты хоть и смешной, но не такой уж окончательно смехотворный.

Надо сказать, что Харламбий Диогенович не давал никому привилегии. Смешным мог оказаться каждый. Разумеется, я тоже не избежал общей участи.